

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ. —

19 СЕНТЯБРЯ.

№ 38

1910 ГОДА.

Бесѣда въ день памяти Угодника Божія Святителя
Тихона Задонскаго.

*Идѣже Духъ Господень, ту
свобода (2 Кор. III, 17).*

Нашему времени достался въ удѣлъ — вопросъ самый привлекательный, но и самый опасный — вопросъ о свободѣ.

Какихъ только благъ не обѣщало себѣ человѣчество отъ разрѣшенія этого вопроса? И какихъ только золъ не видѣло!... Сколько переиспытано средствъ и сколько принесено уже жертвъ?!... И какъ мало до сихъ поръ успѣха и какъ немного и надежды на успѣхъ!...

Найдется ли такая страна, гдѣ, благодаря полученной свободѣ, всѣ люди — добры и кротки, полны взаимной любви, уважаютъ старость, берегутъ и лелѣютъ молодость, гдѣ всѣ — жизнерадостны?!...

Найдется ли такой народъ, такое государство, хотя и изъ самыхъ передовыхъ, которое бы, получивъ всевозмож-

няя свободы, теперь блаженствовало, чувствовало полнѣйшее во всемъ удовлетвореніе, жило безбѣдно-счастливо, не волнуясь и не мучась опять несбыточными здѣсь на землѣ пожеланіями и мечтаніями?!... Конечно нѣтъ!

Что мы видимъ на самомъ-то дѣлѣ? Тѣ народы, которые все принесли въ жертву свободѣ и, повидимому, какъ бы всего достигли, — чрезъ нѣкоторое время начинаютъ снова вздыхать о какой-то другой свободѣ и плачутъ надъ тѣмъ, чего достигли.

Что-же значить все это? Неужели человѣкъ на землѣ долженъ быть всегда внѣ свободы, быть связаннымъ какими-то узами, чувствовать постоянно свою зависимость?!... Или для человѣка нѣтъ свободы?..

Свобода есть, благочестивые христіане, но только не тамъ она, гдѣ ее обыкновенно ищутъ, и не въ томъ она видѣ, въ какомъ думаютъ найти ее.

Въ то время, какъ цѣлые народы ищутъ свободы и не находятъ, у насъ есть такіе святыя Угодники Божіи, которые всегда наслаждались и наслаждаются истинною свободою, не искавъ ея. Это тѣ избранники Божіи, которые вѣрно исполняютъ ученіе Иисуса Христа, Сына Божія, и въ своей жизни руководятся благодатію Святаго Духа: *гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода.*

Въ истинномъ христіанствѣ, и только въ немъ одномъ, находится начало свободы, свободы истинной, полной, всеобщей и жизненной.

Умъ человѣческой хвалится обширностію своихъ знаній, своихъ великихъ открытій и разныхъ предназначтаній въ будущемъ. И что-же? Ни одинъ изъ самыхъ ревностныхъ мечтателей о свободѣ не осмѣлится до сихъ поръ простирать эту свою свободу туда, куда простираетъ св. Евангеліе. На чемъ останавливаются наши самые видные поклонники свободы? На независимости отъ другихъ, на ра-

венствѣ правъ, на свободѣ отъ предрасудковъ и т. п. Но уничтожить узъ тѣлесныхъ недостатковъ, болѣзней, смерти, конечно, почитается ими дѣломъ совершенно невозможнымъ. Объ участи же прочихъ тварей, живущихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ на землѣ, эти ревнители свободы даже и не думаютъ, несмотря на то, что все это (живущее съ человѣкомъ) видимо находится въ рабствѣ и вмѣстѣ съ человѣкомъ страдаетъ и вздыхаетъ объ избавленіи.

Не такъ поступаетъ Евангеліе! Оно проповѣдуетъ отпущеніе плѣннымъ, возвѣщаетъ свободу отъ всякаго зла, призываетъ вѣрующихъ къ такому состоянію, въ которомъ нѣтъ никакой печали и никакого вздыханія. Человѣкъ, по ученію Евангелія, долженъ освободиться отъ всѣхъ недостатковъ и золь, долженъ содѣлаться свѣтлымъ по душѣ, чистымъ въ сердцѣ, богоподобнымъ въ духѣ, бессмертнымъ не только по духу, но и по тѣлу. Вмѣстѣ съ человѣкомъ и вся тварь должна освободиться и войти въ блаженное состояніе чадъ Божіихъ. Такую-то вотъ свободу возвѣщаетъ всему міру Евангеліе! Общія такую свободу, Евангеліе видитъ, что для освобожденія человѣка и тварей, его окружающихъ, нужно—не перемѣна только законовъ человѣческихъ, а перевоспитаніе, какъ бы пересозданіе самаго духа и сердца человѣческаго, нужно—не новое только уложеніе законовъ, а новое небо и новая земля, и потому рѣшительно говорить, что надъ всѣмъ міромъ совершается новое великое твореніе, слѣдствіемъ котораго будетъ новое небо и новая земля. И вотъ къ этому-то славному времени человѣкъ и долженъ обращать свою надежду; а до того времени родъ человѣческій, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, никогда не освободится отъ бѣдствій, постигшихъ его по изгнаніи изъ рая и неразлучныхъ съ пребываніемъ его на этой землѣ... Но все это не значитъ, что Евангеліе, общія свободу въ будущемъ, предоставляетъ че-

ловѣка всѣмъ скорбямъ и ужасамъ настоящаго. Нѣтъ, въ будущемъ только *полное* окончаніе обѣтованій, а все прочее—начало, продолженіе и часть окончанія въ настоящемъ. По ученію Іисуса Христа—по Евангелію—каждый человѣкъ долженъ теперь же сдѣлаться свободнымъ, но только какою свободою? Свободою внутреннею, духовно-нравственною, состоящею въ свободѣ ума и сердца, въ свободномъ избраніи добра и уклоненіи отъ зла, въ свободномъ подчиненіи своей воли волѣ Божіей. Такой свободѣ не могутъ препятствовать никакія внѣшнія обстоятельства: въ темницѣ и подъ мечомъ можно быть свободнымъ этою божественною свободою такъ же, какъ и среди величія земнаго. Одно препятствіе этой свободѣ въ человѣкѣ—это его немощь, слабость, которая такъ велика, что человѣкъ самъ собою не можетъ совершать и дѣлать всегда одно только добро. Ап. Павелъ говоритъ: *не еже бо хошу доброе, творю: но еже не хошу злое, сіе содѣваю* (Римл. VII, 19), т. е. добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Но Евангеліе совершенно восполняетъ эту немощь многими видимыми средствами и въ особенности невидимую благодатію Св. Духа, которая облакаетъ волю человѣка такою силою, которой не могутъ противостоятъ никакое могущество и никакой соблазнъ. Облеченные этою благодатною силою, многіе до того раскрывали въ себѣ внутреннюю духовную свободу, что, видимо, приближались и къ *той* будущей славной свободѣ и съ собою приближали все, ихъ окружающее. Такіе духовно-свободные люди еще здѣсь на землѣ вступали во всѣ права чадъ Божіихъ: они освобождались изъ подъ опеки земныхъ стихій, которыя теряли надъ ними свою силу и покорялись ихъ волѣ и слову; они воспринимали владычество надъ прочими живыми тварями, которыя въ присутствіи ихъ забывали свою лютость; возносились даже надъ тлѣніемъ собственнаго тѣла, кото-

рое, но разлученіи съ душою, остается на землѣ среди тлѣнія не только неразрушимымъ, но и способнымъ къ уврачеванію нашихъ болѣзней и избавленію отъ разныхъ бѣдствій... Доказательство этого, благочестивые христіане, предъ нашими глазами—это св. мощи нашего дорогого и съ любовію почитаемаго Угодника Божія Святителя Тихона, который вотъ своею духовною внутреннею свободою, своею святою жизнію и чудесами собралъ насъ нынѣшній день къ себѣ въ этотъ святой храмъ...

И вотъ такія-то чудеса свободы христіанской происходятъ здѣсь, на землѣ, гдѣ все поражено смертностію, тлѣніемъ, гдѣ и самые праведники должны наиболѣе терпѣть и страдать, чтобы наиболѣе очиститься и прославиться. Что же будетъ тамъ—подъ новымъ небомъ, на новой землѣ—гдѣ будетъ жить одна правда и одна свобода?!... Въ какомъ величественномъ видѣ обнаружится тогда слава и блаженство всѣхъ тѣхъ, кто угодилъ Господу Богу! Среди всеобщаго торжества освобожденной твари явится тогда вѣчная свобода чадъ Божіихъ!... И какъ бы хотѣлось, чтобы эта божественная свобода никогда не выходила изъ нашихъ мыслей, давала бы направленіе нашимъ желаніямъ и предпріятіямъ, защищала отъ всего низкаго и грѣховнаго, утѣшала бы насъ среди многоразличныхъ связующихъ насъ узъ въ этой земной жизни!...

Нисколько не удивительно, если Евангеліе, ведя чело-вѣка къ такой свободѣ, не обращаетъ прямого вниманія на свободу гражданскую: потому что гражданская свобода не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ свободѣ духовной. Можно и среди связующихъ узъ быть свободнымъ духомъ, равно какъ и среди величія быть рабомъ страстей. Исторія христіанства представляетъ немало примѣровъ духовно-свободныхъ людей, которые отъ преизбытка внутренней свободы о Христѣ отдавали себя въ узы и рабство для блага ближ-

нихъ. Такъ мало значили гражданское рабство и гражданская свобода для тѣхъ, въ которыхъ раскрывалась свобода духовная и предназначала уже раскрываться небесная...

Оставляя такимъ образомъ порядокъ гражданскій неприкосновеннымъ, истинное христіанство этимъ самымъ нисколько однако не благопріятствуетъ духу преобладанія и пораженія. Напротивъ вездѣ, гдѣ только усиливалось и распространялось дѣятельное христіанство, немедленно являлся и усиливался духъ истинной свободы гражданской. Кто безбоязненно говорилъ истину предъ такими жестокими людьми, какъ Тиверій и Неронъ?—Христіане. Кто за грѣхъ почиталъ присутствовать на ужасныхъ гладіаторскихъ зрѣлищахъ, гдѣ ручьями текла кровь человѣческая?—Христіане. Кто наиболѣе заботился о плѣнныхъ и выкупалъ ихъ?—Христіане. Откуда наиболѣе вышло понятій о свободѣ во всѣхъ ея видахъ?—Изъ христіанства. Какіе народы пользуются наибольшою свободою?—Христіане. И такое благотворное дѣйствіе на свободу христіанство произвело тогда, когда большая часть христіанъ были только по имени христіане. А что было бы, если бы все болѣе и болѣе усиливалось дѣятельное христіанство?—Церковь апостольская, въ которой душа и имѣнія были всѣмъ общія, — ясно отвѣчаетъ на это всякому.

Напротивъ вездѣ, гдѣ не доставало свободы христіанской, свобода гражданская, при всѣхъ усиліяхъ, или вовсе не могла явиться, или появлялась на короткое только время. Буйство страстей, свергнувъ однѣ узы, вскорѣ само на себя налагало другія новыя путы.

Вѣдь протестъ во имя свободы, пожалуй, возможенъ только тамъ, гдѣ люди дѣйствительно культурны, образованы и всѣ нравственно развиты, гдѣ, благодаря вѣковому общественному развитію, вполне нравственныя благочестивыя привычки общества вошли бы, такъ сказать, въ плоть и

кровь большинства населенія. Тамъ же, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ образованіе отрывочно и случайно, гдѣ потеряно чувство отвѣтственности за свою мысль, за свое слово и дѣло, понятія о свободѣ нѣтъ и быть не можетъ. Тамъ вмѣсто свободы является своеволие, дикій и грубый произволъ и подчасъ звѣрская свирѣпая жестокость.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ для воспитанія въ насъ истинной свободы учредилъ на землѣ св. церковь, указалъ путь святой жизни, даровалъ освятительныя таинства, подалъ примѣръ поста, Самъ постившись предъ Своимъ выступленіемъ на служеніе роду человѣческому, и показалъ образецъ усердной молитвы, молитвы даже до кроваваго поста. Все это и есть единственно вѣрная школа нашего духовнаго воспитанія и образованія, совмѣщающая въ себѣ необходимое для возбужденія, развитія и укрѣпленія собственной намъ духовной жизни.

Поэтому коль скоро будутъ вамъ предлагать новые способы къ улучшенію какъ вашей лично-семейной, такъ и общественно-государственной жизни, то испытывайте это по такому правилу: если вы отъ этого способа можете ощутить въ себѣ охлажденіе къ вѣрѣ и отчужденіе отъ Церкви, то знайте, что въ томъ дѣйствуетъ не благодѣтельный духъ, а пагубное обольщеніе.

Изъ всего сказаннаго, благочестивые христіане, слѣдуетъ, что всѣ мы должны прежде всего и болѣе всего стараться о возстановленіи внутри себя свободы духовной, которая даруется намъ единственно только однимъ дѣятельнымъ христіанствомъ, а безъ этого мы останемся вѣчными рабами, рабами нашихъ страстей, рабами грѣха и бѣдствій и притомъ несмотря на всѣ усилія о распространеніи среди насъ свободы гражданской.

Итакъ одно можно сказать твердо и рѣшительно: для благосостоянія и улучшенія жизни общественной необходи-

мо, чтобы общество крѣпко держалось ученія Иисуса Христа, чтобы въ основу всякаго развитія полагаемы были начала Евангельскія. Стремленіе къ прогрессу, къ совершенству, которымъ хвалится настоящій вѣкъ, конечно, есть стремленіе самое законное, такъ какъ человѣкъ существо совершенствующееся: онъ чувствуетъ свои недостатки и хочетъ быть лучше. Это стремленіе признано Самимъ Господомъ Спасителемъ, который сказалъ: *будьте убо вы совершенни, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть* (Матѳ. V, 48).

Но несчастенъ человѣкъ, когда это стремленіе не подчинено закону, не опирается на твердой законной почвѣ, не имѣетъ въ виду ясной истинной цѣли. Тогда это желаніе лучшаго становится страшною силою, которая можетъ увлечь каждаго въ самую бездну зла. Въ Христовой вѣрѣ нѣтъ истинной свободы, истиннаго знанія, нѣтъ свѣта жизни, а есть только мракъ, беспорядокъ, скорбь и смерть. Въ настоящее время больше всего стали бояться застоя, неподвижности. Но истина христіанская дана людямъ на всѣ вѣка: она никогда не перестанетъ быть истиною, а потому и человѣчество никогда не перерастетъ ея. Христіанство не есть что-либо мертвое, не есть такое собраніе истинъ, которыя можно было бы разомъ усвоить себѣ такъ, чтобы послѣ этого ничего не оставалось и дѣлать человѣку. Нѣтъ, христіанство, ученіе Христово, вѣра Христова—есть живая сила, которая, бывъ принята человѣкомъ въ душу, даетъ законное направленіе всѣмъ его способностямъ и болѣе, болѣе возмываетъ его.

Иисусъ Христосъ, и только Онъ Одинъ, есть начало и конецъ всякой свободы, порядка, красоты, величія, добра, силы, истины, любви. А поэтому, благочестивые христіане, будемъ чаще прибѣгать ко Господу Иисусу Христу, будемъ имѣть твердую вѣру въ Него и жить по вѣрѣ... Вотъ свя-

титель нашъ, Угодникъ Божій Тихонъ, отъ юности возлюбивъ Христа, пребывалъ всю жизнь свою въ твердой вѣрѣ въ Него и жилъ по этой вѣрѣ и въ своей благочестивой жизни былъ по-истинѣ „свободнымъ“ христіаниномъ, такъ какъ не былъ рабомъ страстей—грѣховъ, и ничто земное не связывало его и не могло препятствовать ему въ его самоотверженной для блага ближнихъ добродѣтельной жизни.

Будемъ и мы въ своей жизни слѣдовать за святителемъ нашимъ Тихономъ. Будемъ всѣ подражать его „свободно—независимой“ самоотверженной христіанской жизни и не будемъ прельщаться никакими соблазнами міра сего. Да будемъ всѣ мы „свободными“ служителями истиннаго Бога!

И повѣрьте, оживетъ тогда человѣчество, загорится новая жизнь, небо ближе станетъ къ землѣ, и люди будутъ больше и чаще ощущать присутствіе Божіе въ сердцахъ своихъ (Іоан. XIV, 2—23).

Смолкнутъ тогда стоны человѣчества, прекратятся слезы бѣдствующихъ, и будетъ тогда водворяться рай среди людей, живущихъ еще здѣсь, на землѣ.

Итакъ, кто хочетъ послѣдовать за Святителемъ, тотъ да спѣшитъ: ибо блаженъ путь сей.

А сейчасъ, въ день столь торжественнаго праздника въ честь Угодника нашего, всѣ мы, сошедшіеся въ эту святую обитель съ разныхъ мѣстъ нашей дорогой родины, вознесемъ свои усердныя молитвы ко святителю Тихону, да своимъ предстательствомъ у Престола Божія упроситъ Господа Бога, чтобы Онъ, Вселюбящій Отецъ нашъ, озарилъ всѣхъ насъ свѣтомъ закона Евангельскаго, възгрѣлъ бы сердца наша теплотою благодати Своея и утвердилъ бы волю нашу въ волю Своея святой. Аминь.

Священникъ *Стефанъ Пчелинцевъ.*

Культурное и нравственное значеніе дѣятельности выдающихся представителей славянофильской школы въ исторіи русскаго общественнаго развитія ¹⁾.

(Къ 50-ти лѣтнему юбилею со дня кончины Д. С. Хомякова—1860-1910—23-го сентября и К. С. Аксакова—1860-1910—7-го декабря).

Существенный недостатокъ Западно-Европейскаго просвѣщенія славянофилы указывали въ рационализмѣ. Подъ послѣднимъ нужно разумѣть одностороннее разсудочное познаніе истины, отрѣшенное отъ живой, непосредственной связи его съ другими силами духа. Все, что наиболѣе говоритъ чувству и въ чемъ душа находитъ наибольшее удовлетвореніе глубочайшимъ потребностямъ своимъ,—все это не можетъ уложиться въ форму разсудочной мысли. Послѣдняя есть способность анализирующая, а потому ей доступно только то, что подлежитъ расчлененію. Благодаря исключительному развитію своего отвлеченнаго разума, западный человѣкъ утратилъ вѣру во всѣ высшія истины ума, въ его существенныя убѣжденія и нравственные запросы. Такая односторонность въ просвѣщеніи несомнѣнно должна была отразиться и въ области религіознаго знанія. А. С. Хомяковъ европейское просвѣщеніе прямо называлъ „матеріальнымъ“ ²⁾.

Съ точки зрѣнія послѣдняго человѣкъ есть высшее животное, но у славянофиловъ человѣкъ, принадлежа своему физическому стороною вещественному міру, возвышается надъ нимъ своею духовною стороною, въ которой и заключается истинный смыслъ и цѣль его бытія. Вотъ почему славянофилы искали такой культуры, которая задачею своею ста-

¹⁾ Окончаніе. См. № 37.

²⁾ А. Хомяковъ, т. I, изд. 1900, М., стр. 147.

вила бы всестороннее развитие силъ духа и указывала бы на идеаль, удовлетворяющій высшимъ потребностямъ челоуѣка, какъ существа разумно-нравственнаго. На Западѣ славянофилы не могли найти такого идеала, такъ какъ европейская жизнь оставила Россію „внутреннюю скудость скептическаго анализа и холодъ сердца, много надѣявшагося и обманутаго въ своихъ надеждахъ“ ¹⁾.

„Русскій любить горячо

Семью, отчизну и Царя;

Но болѣе, но пламеннѣе, сильнѣе любитъ онъ

Залогъ другой и лучшей жизни—вѣру“ ²⁾.

Вотъ нравственное начало и тотъ идеаль, который наиболѣе дорогъ русскому народу и который для него выше всего на свѣтѣ; онъ обусловливалъ изстари, обусловливаетъ и понынѣ всю нравственную жизнь русскаго народа, всю его многострадальную тысячелѣтнюю исторію ³⁾. Трудно выразить все безконечно-благодарное вліаніе православной вѣры на жизнь русскаго народа. Подъ знаменемъ вѣры русскій народъ выступалъ на борьбу со своими врагами, подъ ея воздѣйствіемъ совершалось объединеніе земли. Она спасала русскаго челоуѣка отъ отчаянія въ тяжкія минуты его жизни и давала нравственный идеаль, который не позволялъ челоуѣку окончательно овеществиться. Отсюда православіе является основаніемъ, на которомъ должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи. „Долгъ всякаго русскаго челоуѣка, ясно понимающаго великое призваніе своей родины,—изучать памятники общественной и государственной жизни въ прошедшемъ, горячо любить слѣды ихъ въ настоящемъ и помнить, что это дѣло цѣлой внутренней жизни, невозможное безъ постояннаго стремленія къ

¹⁾ А. С. Хомяковъ, т. I, изд. 1900, М. стр. 43.

²⁾ Его-же сочин. т. IV, изд. 1900 г.—М стр. 16.

³⁾ Его-же сочин. т. III, изд. 1871, М., стр. 8.

нравственному самоулучшенію¹⁾. Свобода человѣческаго духа въ области вѣры и знанія есть, по мнѣнію славянофиловъ, непремѣнное условіе для успѣшнаго развитія истиннаго просвѣщенія въ Россіи²⁾.

Религіозная вѣра въ той положительной формѣ, какую она принимаетъ у того или другого народа, сообщаетъ извѣстное направленіе и характеръ философскому мышленію³⁾. Въ основѣ всѣхъ наукъ должна лежать философія, которая вдохнула бы въ нихъ должное направленіе⁴⁾. Для этого нужна такая философія, которая по своей задачѣ, методу и источникамъ существенно отличалась бы отъ западно-европейской. И славянофилы были убѣждены, что такую философію, которая бы претендовала на рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ для человѣчества вопросовъ, могутъ создать только русскіе.

Такая національно-русская философія будетъ соответствовать особенностямъ духовнаго склада и условіямъ жизни русскаго народа, всецѣло основываясь на православіи, которое русскій народъ воспринялъ, такъ сказать, въ плоть и кровь⁵⁾. Задача самобытной русской философіи будетъ со-

¹⁾ Соч. А. Хомякова, т. 1, стр. 257—8.

²⁾ Такая широта взгляда служить лучшимъ доказательствомъ несправедливости обвиненій, посыпавшихся на голову славянофиловъ отъ представителей западной партіи Враги славянофильства не хотѣли подняться на высоту славянофильскаго пониманія вещей, гдѣ всякая узкая односторонность исчезаетъ и всякая вещь получаетъ свое мѣсто. Здѣсь причина того, почему ошибки славянофиловъ, которыхъ никто не скрываетъ, всегда утрировались и представлялись въ гиперболическомъ видѣ. Въ этомъ отношеніи особенно много грѣха выаялъ на свою душу В. Гр. Бѣлинскій, который, несмотря на свой громадный талантъ и высокое благородство души, мало способенъ былъ къ холодному, спокойному, безпристрастному отношенію къ своимъ противникамъ; его страстные порывистыя нападки нерѣдко носили на себѣ слѣды пристрастія, односторонности, отсутствія объективнама. См. его сочин. ч. VI, изд. 4-е, стр. 67; ч. VIII, изд. 5-е, стр. 39; ч. IX, изд. 4-е, стр. 276—292.

³⁾ И. В. Кирѣевскій, т. II, стр. 306.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 233.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 241, 261; ср. А. Хомяк. т. III, изд. 1900, М., стр. 335—6.

стоять въ соглашеніи разума съ вѣрою; это значить, что философія будетъ проводникомъ между жизнію и вѣрою, между наукою и вѣрою ¹⁾. Такая задача истинно русской философіи намѣчаетъ частныя особенности ея, которыя отличаютъ ее отъ философіи западно-европейской. Последняя считала разсудокъ единственнымъ орудіемъ познанія, принимая частныя его законы за законы всецѣлаго разума. Неудивительно поэтому, если въ области философскаго знанія рационализмъ достигъ на Западѣ наибольшаго развитія. Система Гегеля была окончательнымъ довершеніемъ философскаго міровоззрѣнія германской школы и вмѣстѣ конечнымъ предѣломъ развитія отвлеченно-разсудочнаго познанія. Философія его послѣдователей, положившая въ основаніе всего сущаго одно голое понятіе, мысль, оказалась въ сильномъ противорѣчьи съ здравымъ человѣческимъ смысломъ и съ требованіями цѣльной человѣческой природы ²⁾. Несостоятельность гегельянства въ дѣлѣ постиженія истины въ ея возможной полнотѣ и живой дѣйствительности становилась, такимъ образомъ, очевидною. Вотъ почему Шеллингъ — другой изъ видныхъ представителей германской рациональной философіи — призналъ необходимость живой вѣры, какъ существенной стихіи познания. А уже за нимъ почти всѣ европейцы сознаютъ односторонность рациональнаго просвѣщенія, испытывая въ своей душѣ чувство нравственной неудовлетворенности и недовольства ³⁾. Являлась необходимость устранить изъ русской философіи германскій рационализмъ, который вносилъ въ русскую жизнь болѣзненное противорѣчіе между умомъ и вѣрою, и искать другого способа познанія. Нашъ разумъ при изслѣдованіи откровенныхъ истинъ долженъ твердо держаться установленныхъ границъ

¹⁾ Ив. В. Кирѣевскій, т. II, стр. 313, 306.

²⁾ А. С. Хомяковъ, т. I, изд. 1900 г., стр. 302.

³⁾ Кирѣевскій, т. II, стр. 231, 321—324, 331.

между Божественнымъ откровеніемъ и ограниченнымъ человѣческимъ умомъ.

Для разумнаго пониманія истинной и живой дѣйствительности необходимъ „цѣльный разумъ“, т. е. согласіе всѣхъ силъ человѣческаго духа. „Истина, говоритъ Самаринъ, полная и высшая дается не одной способности логическаго умозаключенія, но уму, чувству и волѣ вмѣстѣ, т. е. духу въ его живой цѣльности“¹⁾. Такой вновь выдвигаемый способъ изслѣдованія доставляетъ уму рядъ положеній, которыя имѣютъ для него непререкаемое значеніе и стоятъ выше всякаго анализа и сомнѣнія. Но этотъ новый методъ познанія истины предполагаетъ не столько умственное развитіе въ человѣкѣ, сколько, главнымъ образомъ, нравственную чистоту его жизни. Только при этомъ послѣднемъ условіи возможно душевное равновѣсіе въ человѣкѣ, когда всѣ силы его существа дѣйствуютъ въ согласіи. Таково главное преимущество новаго гносеологическаго принципа.

Истинами, непосредственно чувствуемыми, ощущаемыми человѣкомъ и потому не требующими доказательствъ, являются: бытіе нашего я, существованіе²⁾ человѣческой воли и сознаніе личной свободы, какъ способности самоопредѣленія, на которой держится вся наша нравственная дѣятельность.

Всѣ эти истины сводятся къ одной общей, главной и основной—признанія бытія Божія²⁾. Бытіе Божіе есть такой непреложный фактъ нашей индивидуальной жизни, который и не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ.

Всѣ неопровержимыя данныя религіозной вѣры должны быть положены и въ основу нравственности³⁾. Всемогущее

¹⁾ Ю. О. Самар., т. VI, стр. 561, 350; ср. т. I, стр. 110; ср. Ив. Кирѣевск., т. II, стр. 310.

²⁾ У Кирѣевскаго, т. II, стр. 336.

³⁾ У Самар., т. VI, стр. 419, 434, 446—447, 519.

Существо, создавая человека, доводит его до сознания нравственного призванія и личнаго долга; Оно и всѣ вышшія обстоятельства человеческой жизни приводитъ въ соотвѣтствіе съ его внутреннимъ призваніемъ. При такомъ условіи человеческая жизнь изъ безсмысленной борьбы свободной воли съ независимыми отъ нея обстоятельствами превращается въ разумное цѣлое ¹⁾. Только при такомъ соотвѣтствіи получаетъ смыслъ и конечный моментъ человеческой жизни—загробный судъ, предчувствіе котораго составляетъ главный интересъ земной жизни ²⁾. Но вѣра въ человекѣ, взятомъ отдѣльно, какъ индивидуумѣ, непременно субъективна и потому всегда доступна сомнѣнію и колебаніямъ. Чтобы возвыситься надъ такимъ заблужденіемъ и взойти на степень положительнаго знанія, вѣрѣ необходимо возвыситься надъ собою и найти для себя точку опоры въ мірѣ святыхъ реальностей, т. е. въ Божественномъ Откровеніи и Церкви ³⁾. Первое уясняетъ религіозное сознаніе и сообщаетъ ему опредѣленное содержаніе; вторая предохраняетъ склонный къ заблужденію человеческій разумъ отъ ложнаго толкованія Откровенія.

Но оба вмѣстѣ возвышаютъ вѣру изъ субъективной неопредѣленности на степень живого разумнаго убѣжденія.

Такимъ образомъ, только исходя изъ вѣры и при ея свѣтѣ, философское мышленіе можетъ постигать разумную сущность бытія. Эти истины православно-христіанской Церкви ⁴⁾ были основаніемъ философіи святыхъ отцовъ. Поэтому святоотеческая философія должна послужить для русской „живительнымъ зародышемъ и свѣтлымъ указателемъ пути“. Русская философія должна вполне удовлетворить со-

¹⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 410—411, 507.

²⁾ Тамъ же, стр. 411—437.

³⁾ Тамъ же, стр. 403, 415, 442, 515.

⁴⁾ А. Хомяк., т. I, стр. 317; ср. Ив. Кирѣевск., т. II, стр. 290, 330, 333.

временнаго человѣка и дать отвѣты на многіе запросы, выступившіе въ настоящее время и требующіе разрѣшенія. Между тѣмъ какъ возстановить свято-отеческую философію на русской почвѣ невозможно, такъ какъ условія жизни святыхъ отцовъ не могли способствовать всестороннему развитію философской мысли. Да и достигнуть полной духовной самособранности, необходимой, по понятію славянофиловъ, для высшаго разумѣнія истины, едвали возможно для человѣка, въ настоящемъ его состояніи, среди житейскихъ заботъ, развлеченій и борьбы. Вотъ почему содержаніемъ русской философіи должны служить непременно нѣкоторыя положенія, заимствованныя изъ западной философіи. И наша философія будетъ представлять изъ себя „примирительное мышленіе“, развитіе котораго должно состоять „въ сознаніи всей западной образованности и въ подчиненіи ея выводовъ господствующему духу православно-христіанскаго любу мудрія“. Такой національно-русскій оттѣнокъ можетъ придать философіи также „древне-русская самобытная образованность, которая хранится въ правахъ, обычаяхъ и внутреннемъ складѣ ума такъ называемаго простаго народа“ ¹⁾.

Славянофилы, такимъ образомъ, приписывали философіи весьма важное значеніе, полагая, что она должна обнимать всѣ науки, разрѣшать всѣ вопросы, придать всему просвѣщенію желательный характеръ и руководить всею человѣческою дѣятельностью ²⁾. Понимаемая въ этомъ обширномъ смыслѣ, философія не можетъ быть принадлежностью только нѣкоторыхъ избранныхъ умовъ: Она должна быть общечеловѣческимъ достояніемъ, въ ней можетъ и обязанъ упражняться всякій мыслящій человѣкъ, — всякій, для кого дорого его человѣческое достоинство, и кто желаетъ быть

¹⁾ Ив. Кирѣевскій, т. II, стр. 327—8.

²⁾ Тамъ же, стр. 313, 334.

недовѣкомъ въ истинномъ значеніи этого слова. Всѣ эти общія философскія положенія первыхъ славянофиловъ имѣютъ цѣнное значеніе, такъ какъ послѣдующіе выдающіеся защитники славянофильства основывались на нихъ, когда стремились обстоятельно опредѣлить положительную сторону русской философіи и раскрыть ея детали ¹⁾.

Съ точки зрѣнія славянофиловъ исторією управляють нравственные законы, и религія всегда является основой духовной жизни народовъ ²⁾. Христіанинъ, соприкасаясь съ окружающей средой, вынужденъ считаться съ тѣми или другими чуждыми ему началами жизни, къ которымъ онъ и долженъ опредѣлить свое отношеніе. Создавая культурно-историческій центръ для своего единства, русскій народъ въ тоже время вырабатывалъ и идею „верховнаго правителя“.

Въ послѣднемъ онъ видѣлъ, съ одной стороны, представителя внѣшней власти, съ другой—выразителя внутренней правды. Власть царя покоилась не на внѣшней законности, основанной на формальномъ договорѣ, а на силѣ довѣрія и любви народа, т. е. на началѣ чисто нравственномъ ³⁾.

Народная любовь къ царю не имѣла границъ, такъ какъ глубоко вѣрили, что истинная христіанская любовь живетъ только въ царскомъ дворцѣ. Во имя этой „правды и любви христіанской“ шли къ царямъ русскіе люди, принося къ нимъ стонъ народа и голосъ праведнаго обличенія ⁴⁾. Государи понимали и цѣнили эту любовь и это довѣріе къ

¹⁾ См., напр. у В. Н. Карпова: «Введеніе въ философію». Сиб. 1840 г., стр. 114—117 и у А. И. Введенскаго «О задачахъ современной философіи». Вopr. философ. и психолог. Кн. XX, стр. 55, а также его: «Западная дѣятельность и русскіе идеалы». Богослов. Вѣстн. 1893 г., № 12, стр. 521—555.

²⁾ А. Хомяк., т. II, изд. 1880 г., М. стр. 99; т. III, стр. 17, 127—30. И. Аксак., т. I, 96—97.

³⁾ А. Хомяковъ, т. I., М. изд. 1861 г., стр. 55, 379.

⁴⁾ У него-же, т. III, изд. 1900. М. стр. 31.

себѣ народа и платили ему тѣмъ же. Возможность такого единодушія объясняется условіями тогдашняго быта.

Древняя Русь стремилась къ единенію областей. Идея эта вполнѣ была понята и по достоинству оцѣнена представителями Церкви, которые и взяли ее подъ свое покровительство. Такимъ образомъ, важное значеніе Церкви въ дѣлѣ внутренняго устройства государства не подлежитъ сомнѣнію ¹⁾. Церковь благословляетъ идею власти, но не беретъ на себя смѣлости опредѣлять формы ея, предоставляя это свободѣ народовъ ²⁾. Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, Церковь никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею или пріобрѣтать себѣ власть свѣтски правительственную ³⁾. Для такого управленія она должна-бы отдѣлиться отъ людей, т. е. отъ своихъ членовъ. Но такое отдѣленіе Церкви отъ человѣчества понятно при юридическомъ раціонализмѣ западныхъ опредѣленій и совершенно невозможно при живой цѣльности православія. Въ церкви ученіе не отдѣляется отъ жизни: ученіе живетъ, а жизнь учитъ ⁴⁾.

Иное отношеніе Церкви къ обществу и государству возможно было-бы лишь подъ тѣмъ условіемъ если бы церковь превратилась во внѣшнее учрежденіе. Но она не есть что-либо внѣшнее для людей: она есть внутренняя жизнь людей и, по мѣткому выраженію Кирѣевскаго, такъ управляетъ „общественнымъ составомъ, какъ духъ управляетъ составомъ тѣлеснымъ“. На западѣ папа, управляя клерикальною партіею, составляетъ крупную политическую силу, съ которой должны считаться правительства. Въ православной церкви, при указанномъ понятіи о ней, ничего подобнаго и представить себѣ нельзя.

¹⁾ У него-же, т. I, изд. 1861 г., М., стр. 236—37.

²⁾ Кирѣевск., соч. т. II, стр. 262.

³⁾ Кирѣевск., соч. т. II, стр. 262.

⁴⁾ А. С. Хомяк., т. I, изд. 1861, стр. 238.

Здѣсь, въ дѣлахъ вѣры, всѣ, начиная отъ Государя и оканчивая послѣднимъ его подданнымъ, обязаны безпрекословно подчиняться постановленіямъ всей Церкви, т. е. такимъ постановленіямъ, обязательность которыхъ единогласно признана всѣми членами церкви; въ дѣлахъ мірскихъ, наоборотъ, всѣ обязаны подчиняться верховной государственной власти и ея представителямъ. Ограничивая объемъ государственной власти одною только внѣшнею стороною общественныхъ отношеній ¹⁾, Церковь всегда оставалась внѣ государства, какъ недосыгаемый, свѣтлый идеаль. „Какъ бы ни было совершенно человѣческое общество и его гражданское устройство, оно не выходитъ изъ области случайности исторической и человѣческаго несовершенства; оно само совершенствуется или падаетъ, во всякое время оставаясь далеко ниже недосыгаемой высоты неизмѣнной и богоправимой Церкви“ ²⁾. Связь человѣка съ обществомъ такъ велика и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, что обществу чрезъ посредство государственной власти принадлежитъ законное право нормировать не только внѣшнюю, но и внутреннюю дѣятельность своего члена и подданнаго ³⁾. Такимъ образомъ, христіанинъ своею высшею индивидуальною стороною всецѣло обязанъ Церкви и, порвавъ всякую зависимость отъ государства, остается связаннымъ съ нимъ только внѣшне (кесарево Кесарю, а Божіе Богу). Потребность вмѣшательства государственной власти во внутренній бытъ христіанъ, по слову апостола, свидѣтельствуетъ о ненормальности въ жизни членовъ церкви (1 Кор. VI, 7). Но разъ уже это вмѣшательство оказывается неизбѣжнымъ, то оно въ христіанскомъ государствѣ должно быть запечатлѣно хри-

¹⁾ И. С. Аксаковъ, т. II, стр. 238, 508, 512.

²⁾ А. Хомякъ, т. I, изд. 1861, М., стр. 239.

³⁾ Тамъ же, т. IV, изд. 1873 г., М., стр. 487, 710, 720; Самар. т. V, стр. 171.

стіанскимъ характеромъ 1). Церковь не считаетъ нужнымъ приписывать правительству своихъ готовыхъ формулъ, просвѣтлѣніемъ совѣсти частныхъ лицъ лишь косвенно участвуя въ развитіи юридическихъ отношеній 2). Таково истинное отношеніе Церкви къ государству. Положеніе русской церкви въ этомъ отношеніи славянофилы не считали идеальнымъ 3), возставая, главнымъ образомъ, противъ формализма и казенщины, какъ результата внимательства государства въ дѣла Церкви 4).

Славянофилы настаивали на необходимости общества, какъ такой среды, въ которой люди живутъ общими интересами, одними идеалами и чувствами. Такая среда, способствуя нравственному подъему нашей души, соединяетъ всѣхъ единомысленныхъ людей посредствомъ любви въ одно неразрывное братство 5). Общность же такого рода возможна, главнымъ образомъ, между людьми одной національности; общество должно быть народнымъ 6).

Народность не есть какая—нибудь грубая реальность; это—та неуловимая сила, содержаніе которой, при свободномъ развитіи, постепенно раскрывается въ теченіе всего историческаго роста народнаго организма, окрашивая собою весь строй народной жизни. Опираясь на извѣстное положеніе философіи Гегеля, что каждая историческая народность есть носительница своей новой идеи, славянофилы

1) И. С. Аксак., т. I, стр. 20, 672; т. II, стр. 63, 65, 716.

2) А. Хомяк., т. I, 101; Самар. т. VI, 334—335; И. С. Аксак., т. II, стр. 168—171, 173, 717.

3) У А. Хомяк., т. II, стр. 385, 351, 399—400; И. С. Аксак., т. I, стр. 214; т. II, 29, 432—437, 816.

4) Предисловіе къ соч. А. Хомяк., т. II, изд. 1867 г., Прага, стр. VI, Раскрытіе этой мысли см. у П. Линицкаго: «Славянофильство и либерализмъ». Тр. К. Д. Ак. 1882 г., I, стр. 207 и др.

5) А. Хомяк., т. I, изд. 1900. М. стр. 6, 98—99; Ю. Самар., т. VI, стр. 446, И. С. Аксак., т. II, стр. 33.

6) У И. С. Аксакова, т. I, стр. 3, 450; т. II, стр. 38.

вывели заключение, что увлеченіе формами жизни другихъ національностей и не цѣлесообразно и даже вредно. Такое увлеченіе отвлекаетъ народъ отъ развитія тѣхъ началъ и той идеи, которыя онъ обязанъ внести самъ въ развитіе человѣчества, чтобы имѣть право на то или другое мѣсто въ исторіи культурныхъ народовъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что мы должны безусловно отречься отъ всякой солидарности съ западной цивилизаціей и игнорировать ее. Требуется только критически отнестись къ Западной культурѣ, пользуясь ею лишь настолько, насколько она отвѣчаетъ характеру и потребностямъ нашей народности. Историческая миссія каждаго народа состоитъ въ постепенномъ осуществленіи въ жизни началъ, коренящихся въ индивидуальных особенностяхъ его психическаго строя; народъ, отрекающійся отъ этихъ началъ, отказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ своей исторической роли и превращается въ простой этнографическій матеріалъ. Только тотъ народъ, который имѣетъ рѣзко очерченную нравственную фізіономію и имѣетъ будущность, можетъ играть роль въ исторіи человѣчества, потому что только такой народъ вѣритъ въ себя и, слѣдовательно, способенъ къ энергическому дѣйствию. Поэтому славяне должны сознавать свои коренныя національныя духовныя особенности и развивать ихъ въ научномъ, общественномъ и бытовомъ отношеніяхъ, заимствуя у другихъ народовъ то, что они выработали общеловѣческаго ¹⁾. Какъ зерно, при какихъ бы условіяхъ оно ни развивалось, никогда не измѣняетъ своей природы, такъ точно бываетъ и съ народами. Отдѣльныя личности или отдѣльный классъ народа могутъ отрываться отъ народнаго организма, но они должны неизбежно подвергнуться дѣйствию того-же закона, который проявляется и при отсѣченіи вѣтвей отъ ствола дерева: они

1) У А. Хомяк., т. III, изд. 1900, М., стр. 202—230.

обречены на мертвенность и бесплодность. Отсюда-то жалкое положеніе, въ какое попадаетъ человѣкъ, оторвавшійся отъ организма своего народа ¹⁾. Напротивъ, сколько благъ, и именно общечеловѣческихъ, вносить въ общую сокровищницу народъ, который развивается въ своей родной средѣ и прислушивается къ біенію своего сердца! Всѣ жизненные силы русскаго народа сконцентрированы вокругъ одного коренного стремленія—сохранить въ цѣлости и неповрежденности внутренній міръ своей души, сберечь, спасти свою душу. „Мы русскіе, говоритъ профессоръ Н. Гротъ, если судить по прежней исторіи нашего самосознанія, по-видимому, склонны давать въ своемъ міровоззрѣніи перевѣсъ элементу религіозно—этическому... Славянофилы проповѣдывали философію вѣры... И нашему народному міросозерцанію суждено выдвинуть на первый планъ нравственные интересы жизни“ ²⁾. „Вѣра, говоритъ И. С. Аксаковъ, выше народности: она даетъ ей суть“. Лучшая, можно сказать, самая высшая, идеальная сторона народной личности заключена въ религіи, въ которой данъ ключъ къ разгадкѣ всѣхъ изгибовъ міросозерцанія человѣка. Ничѣмъ не дорожить такъ народъ, какъ своею вѣрою и тѣмъ, что связано съ нею и ею освящено. Религія, такъ образ., является хранильницею и выразительницею народнаго духа и характера. Отсюда служеніе интересамъ всего человѣчества и истинный прогрессъ послѣдняго въ принципѣ народности находятъ свой корень и осуществленіе. Принципъ этотъ не можетъ противорѣчить тѣмъ вѣчнымъ идеаламъ жизни, которые даны человѣку въ божественномъ словѣ Евангелія. Основная заповѣдь христіанства о любви къ людямъ не только не нарушается и даже не ослабляется началомъ народности, а напротивъ даже находитъ въ немъ прямой и

¹⁾ К. С. Аксаковъ «О воспитаніи». День 1863 г. № 1.

²⁾ Вопр. философ. и психолог. 1899 г., кн. 1, стр. 18-я.

естественный путь къ своему осуществленію. Только истинный сынъ своего народа, носящій въ собственной груди искру жизни своей отчизны и любви къ ней, способенъ возвыситься до уваженія и любви ко всему человѣчеству ¹⁾.

Такая постановка вопроса о народности дала славянофиламъ исходную точку для всей ихъ соціологической теоріи. Общинный строй, предполагающій свободное развитіе личности, вытекалъ изъ коренныхъ свойствъ славянской природы и составлялъ характерную особенность древней русской жизни. „Нашъ корень и основа—Кремль, Кіевъ, Саровская пустыня, народный бытъ съ его пѣснями и обрядами, и по преимуществу община сельская“ ²⁾. Русское общество не знало разграниченія сословій; развиваясь самобытно и естественно, подѣ влияніемъ одного внутренняго убѣжденія, воспитаннаго Церковью, всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинаковою потребностью общаго блага. Вотъ почему славянофилы и выдвинули на первый планъ сельскую общину, которая и была для нихъ дороже всего своимъ нравственно-воспитательнымъ значеніемъ въ смыслѣ подавленія эгоизма личности и развитія въ человѣкѣ духа христіанскаго альтруизма ³⁾. Истинный смыслъ историческаго прогресса заключается въ свободномъ, широкомъ и всестороннемъ развитіи личности; но въ самомъ процессѣ развитія славянофилы не предоставляли эту личность ея полному произволу, а требовали подчиненія ея нравственному закону любви ⁴⁾. Личность по природѣ своей эгоистична. Любовь же есть начало альтруистическое и, какъ таковая,

¹⁾ См. у К. С. Аксакова «О воспитаніи». День, 1863 г. № 1.

²⁾ Цит. заимствов. у В. Лясковскаго «А. С. Хомяк. Его жизнь и сочиненія». М. 1897 г., стр. 59.

³⁾ Русская Бесѣда, 1860, II, стр. 56—57.

⁴⁾ К. С. Аксаковъ, соч. т. I, стр. 291.

для своего проявленія нуждается въ общеніи. Безконечное дробленіе собственности создаетъ между людьми полную разбѣдненность, влекущую за собою оскуднѣніе нравственныхъ началъ, неразлучно связанное съ оскуднѣніемъ силъ умственныхъ.

И это понятно. „Слышать о дѣлѣ общемъ и потомъ въ немъ участвовать, слышать съ дѣтства судъ и расправу, видѣть, какъ эгоизмъ человѣка становится безпрестанно лицомъ къ лицу съ нравственной мыслью объ общемъ, о совѣсти, законѣ обычномъ, вѣрѣ, это—истинно нравственное воспитаніе, это—просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ, это—развитіе не только нравственности, но и ума“¹⁾.

Съ признаніемъ общинъ утверждается право всѣхъ на собственность поземельную и право каждаго на владѣніе, а также нравственная связь между людьми и облагораживающее душу воспитаніе людей въ смыслѣ общественномъ посредствомъ постояннаго упражненія въ судѣ и администраціи мірекой, при полной гласности и правахъ совѣсти. При отрицаніи общины всему этому предпочитается—нарушеніе всѣхъ обычаевъ и чувствъ народныхъ, сосредоточеніе собственности въ сравнительно немногихъ рукахъ и пролетаріатъ или, по крайней мѣрѣ, наемничество всѣхъ остальныхъ, безсвязность народа и отсутствіе всякаго общественнаго воспитанія²⁾. Въ противоположность Западу, гдѣ личность развилась до крайностей индивидуализма на формально—юридической основѣ,—въ славяно русскомъ мірѣ личность развилась въ такой степени, что вполне могла сознать свое нравственное достоинство. Только это условіе понуждало людей соединяться въ общины на основѣ взаимнаго довѣрія, которое не нуждалось въ формальномъ договорѣ. И такая связь людей въ славяно-русской общинѣ не исключала не-

1) Чит. у А. Хомякова, т. I, изд. 1900, М. стр. 188

2) У А. Хомякова, т. III, изд. 1900, М. стр. 290.

преимущественно связи родственной, основанной на узлах крови, и равно и связи практической, основанной на пользовании общим достоянием, наприм., землею. Этого-то общинный духъ, по мнѣнію представителей славянофильской теоріи, и составлялъ положительное начало нашей исторической жизни. Это начало не только не разлагалось личностью, но, освященное христіанствомъ въ духъ восточнаго православія, росло и развивалось, мѣняя въ своемъ историческомъ движеніи лишь форму, а не содержаніе ¹⁾.

Такимъ образомъ, славянофилы считали православіе и совокупность всѣхъ силъ народной жизни главнѣйшими началами славянской національности и указывали на сохраненіе ихъ, какъ на необходимое условіе для развитія благосостоянія и могущества Россіи. Въ призывахъ къ устройству жизни по самобытнымъ русскимъ началамъ сказывалась любовь славянофиловъ къ своему отечеству и забота о его независимости и самобытности въ религіозномъ и культурномъ отношеніяхъ. Славянофилы искренно желали, чтобы Россія, какъ самая могущественная представительница славянства, помогла прочимъ славянамъ освободиться отъ гнета иноплеменнаго и начать самостоятельную политическую жизнь ²⁾. Этимъ они оказали великую услугу дѣлу общественнаго развитія въ нашемъ отечествѣ; они внесли въ жизнь русскаго общества элементъ сознательнаго пониманія историческихъ и общественныхъ отношеній, который въ прежнія времена былъ какъ бы только инстинктивнымъ чувствомъ у лучшихъ людей. Сильные своимъ просвѣщеніемъ и цѣльные духомъ, неподкупно честные и искренніе какъ на словахъ, такъ и на дѣлахъ, съ незыблемою стойкостью

¹⁾ Ю. Самар., т. I, стр. 52; ср. К. Аксак., т. I, 150, 276

²⁾ См. Данилевскій. «Россія и Европа», стр. 311, 314. Нужно замѣтить, что первые основатели славянофильства вовсе не занимались политическими вопросами, желая только, чтобы содержаніе русской жизни было православнымъ, а формы ея русскими. Чит. у Хомякова, т. II, стр. 192, 193, 357, 413; Самар., т. VI, стр. 240; И. Аксаковъ, т. II, стр. 805.

нравственныхъ основъ и во всеоружіи православныхъ христіанскихъ убѣжденій, славянофилы служили живымъ воплощеніемъ и охраною коренного славяно-русскаго духа, нравственно-народной силы и историческаго характера Россіи. Примѣромъ своей самоотверженной и безкорыстной дѣятельности они возбуждали въ обществѣ стойкость въ патріотическихъ убѣжденіяхъ и уваженіе къ религіозно-нравственнымъ и общественнымъ основамъ русской жизни. Въмѣстѣ съ тѣмъ они пробуждали критическое отношеніе къ усѣхамъ западной цивилизаціи, давая возможность понять свой нравственный долгъ къ народу и обществу и установить опредѣленные идеалы для руководства въ жизни и дѣятельности. Благородство духовной природы славянофиловъ, безукоризненно честный высокій строй ихъ религіозно-нравственныхъ и патріотическихъ взглядовъ, чуждыхъ и тѣни какаго-либо лукавства, заставляли всѣхъ сталкивающихся съ ними, невольно, такъ сказать, выпрямляться душою. Не даромъ самые крайніе противники ихъ убѣжденій — и тѣ не могли отказать имъ въ уваженіи. Даже Грановскій, напр., при всей рѣзкости его противоположныхъ славянофильству воззрѣній, такъ отозвался о нихъ. „Я отъ всей души уважаю этихъ людей; въ нихъ такъ много святости, вѣры, какъ я еще не видалъ ни въ комъ“ ¹⁾). Впрочемъ, о славянофильствѣ нельзя говорить только въ прошедшемъ времени: оно не есть уже отжитый и сланный въ архивъ исторіи моментъ историческій, оно пребываетъ и всегда должно пребывать въ исторіи нашего нравственнаго прогресса, какъ вѣчно дѣятельный и неумолкающій запросъ, какъ всегдашній нашъ указатель и двигатель.

Ив. Козловъ.

¹⁾ «Заря» 1869 г., кн. 7-я, изъ ст. Ор. Миллера.

Миссіонерскіе курсы и публичныя бесѣды съ сектантами въ селѣ Пескахъ, Новохоперскаго уѣзда.

Село Пески вполне можетъ считаться однимъ изъ самыхъ давнихъ и самыхъ сильнѣйшихъ сектантскихъ пунктовъ не только Воронежской губерніи, но даже и смежныхъ съ ней—Тамбовской, Саратовской и области Войска Донскаго. Занимая географически окраину, соприкасающуюся съ границами названныхъ губерній, оно за цѣлый столѣтній періодъ фигурируетъ въ качествѣ постояннаго этапа на тракты, чрезъ который, по счастливому почину Семена Матвѣевича Уклеина, постоянно слѣдовали и слѣдуютъ все сектантскіе вожаки всехъ толковъ—знаменитости до Мазаева и Фетлера включительно. Сектантскія молитвенныя зданія постоянно открыты для публичныхъ рѣчей этихъ ораторовъ и для публики. При населеніи въ 14,000 душъ (обою пола) сектантовъ разныхъ толковъ (молоканъ уклеинцевъ, просто молоканъ, сухихъ баптистовъ, баптистовъ и жидовствующихъ) здѣсь насчитывается около 2000 душъ. На публичныхъ бесѣдахъ здѣсь пытали свои силы и опыты такія личности, какъ аѳонскій іеромонахъ Арсеній, впоследствии синодальный миссіонеръ, Саратовскій епархіальный миссіонеръ Константинъ Ал. Голубевъ, Воронежскій епархіальный миссіонеръ Тихонъ Семеновичъ Рождественскій, и сектанты для защиты своихъ догмъ и убѣжденій не прибѣгали за помощію на сторонѣ, а находили въ своей мѣстной средѣ талантливыхъ знатоковъ-ораторовъ и всякій разъ проявляли собой довольно внушительную силу. Въ прошломъ 1909 году, 18 мая, (на второй день Св. Троицы) здѣсь же, подъ предсѣдательствомъ Фетлера, въ баптистскомъ молитвенномъ зданіи былъ довольно многочисленный районный съѣздъ баптистовъ по дѣламъ своей пропаганды и другимъ вопросамъ своей окружной общины и тутъ же, въ тотъ же день, со-

вершентъ былъ публично обрядъ баптистскаго крещенія надъ 11 душами, въ числѣ коихъ, кромѣ молочанъ, были и православные изъ села Поворина.

Эта историко-описательная картинка, или справка, не можетъ не наводить на грустные размышленія. Серьезность опасности такихъ значительныхъ очаговъ сектантства, какъ село Пески, съ такими смѣлыми публичными дѣйствіями и демонстраціями для всякаго очевидна. Случайныя и рѣдкія посѣщенія епархіальныхъ миссіонеровъ оставляютъ чисто внѣшніе слѣды въ памяти населенія и сомнительно ожидать отъ такихъ налетныхъ часовыхъ миссіонерскихъ визитовъ какихъ-либо дѣловыхъ результатовъ.

Сектантство, какъ извѣстно, возникло, развилось и окрѣпло на почвѣ невѣжества, темноты и сплошной безграмотности народа. Думается, и возможность леченія этой народной болѣзни прежде всего слѣдовало бы искать въ самомъ народѣ, въ его силахъ и средствахъ, къ чему пробой могутъ быть миссіонерскіе курсы съ возможно частой постановкой и строго обдуманной организаціей ихъ, по половицѣ: клинъ клиномъ выбивается.

Съ большою радостію Песковцы встрѣтили вѣсть о миссіонерскихъ курсахъ. Въ предположеніи, что эти курсы будутъ осенью или ранней весной, охотниковъ заявилось очень много и безъ всякихъ субсидій. Когда же выяснилось назначеніе этихъ курсовъ на май мѣсяць, радость померкла и курсы состоявшіеся нельзя назвать удачными. Явились они поспѣшно, неотложнымъ выполненіемъ предписанія епархіальнаго Начальства, въ пору уже начавшихся полевыхъ и хозяйственныхъ работъ, когда крестьянину не до курсовъ, особенно послѣ только что пережитой трехлѣтней (1906, 1907 и 1908 г.г.) голодовки. Желательный подборъ курсистовъ сдѣлать было трудно и пришлось ограничиться охотниками, мало подготовленными или недостаточно способными

ми. Въ силу необходимости было принято много такихъ, которые уже прослушали курсы или въ Воронежѣ, или въ селѣ Карачанѣ. Всѣхъ курсистовъ, такимъ образомъ, набралось болѣе 40 человекъ. Изъ нихъ одни отказались отъ общей квартиры и помѣстились особняками, нѣкоторые (изъ Песковцевъ) записались приходящими, другіе по разнымъ обстоятельствамъ дѣлали отлучки, что все было въ ущербъ дѣлу, а нѣкоторые подъ разными предлогами совсѣмъ оставили занятія съ половины курсовъ. Занятія шли ежедневно до обѣда и послѣ обѣда. Время было очень знойное. Такова внѣшняя сторона дѣла.

Программа курсовъ была очень обширная и, какъ видно, не считалась съ краткимъ срокомъ, съ знойнымъ временемъ и съ слабой подготовкой курсистовъ и нагружена была такими подробностями, опущеніе которыхъ было бы безъ ущерба для дѣла, а самая исторія Церкви Божіей, съ ея іерархіей, богослужебнымъ культомъ, символизмомъ и проч., входила какъ-то вскользь, частицами, попутно, нецѣльно. Непривычною записью уроковъ малограмотные курсисты утомлялись усиленно и плохо разбирались въ массѣ матеріаловъ, такъ что существенно необходимое, это едино на потребу, дано было поспѣшно, съ слабымъ укладомъ. Не легко было при такихъ условіяхъ работать и о. Граціанскому.

Первая бесѣда.

По благословенію Высокопреосвященнаго Анастасія, Архіепископа Воронежскаго и Задонскаго, въ программу миссіонерскихъ курсовъ съ перваго по послѣднее мая мѣсяца о. Граціанскому включено сдѣлать пять публичныхъ бесѣдъ съ сектантами тутъ же въ селѣ Пескахъ. Своевременно объ этихъ бесѣдахъ были разосланы повѣстки окружающему духовенству съ его паствами и сектантамъ. Начет-

чимъ послѣднихъ охотно изъявили свое согласіе на участіе въ собесѣдованіяхъ и подробно договорились съ о. Граціанскимъ во всѣхъ условіяхъ. Предъ первой бесѣдой о. Граціанскій заявилъ духовенству о болѣзни своего горла и просилъ пригласить въ помощь ему кого-либо изъ миссіонеровъ сосѣднихъ епархій. Обратились телеграммой въ г. Тамбовъ къ М. И. Третьякову, но тотъ далъ условный отвѣтъ по случаю перемѣщенія. Думали обратиться къ Кунцевичу въ г. Новочеркасскъ, тутъ было тоже, онъ переводился въ г. Харьковъ. Кризисъ дѣла становился грознымъ и неустрашимымъ. Сектанты не могли не знать этого положенія. Такъ, при личномъ свиданіи, за разговоромъ, въ своей квартирѣ, о. Граціанскій, между прочимъ, спросилъ пресвитера псковскихъ баптистовъ крест. Василя Прокофьевича Степанова, кого они назначаютъ на собесѣдованіе съ своей стороны изъ своихъ ли псковцевъ или изъ пріѣзжихъ со стороны. Степановъ не безъ ироніи отвѣтилъ такъ: съ васъ достаточно и меня одного. Это было наканунѣ бесѣды, 13 мая. О. Граціанскій за болѣзнію горла снова и категорически высказался, что вести бесѣды не будетъ, если не будетъ вызванъ миссіонеръ на помощь. Въ г. Балашовѣ, Сар. губ., въ качествѣ уѣзднаго миссіонера въ это время успѣшно велъ бесѣды съ баптистами практикъ изъ начетчиковъ нѣкто Георгій Абрамовичъ Носковъ. Обратились съ телеграммой къ нему. Тотъ изъявилъ согласіе провести двѣ бесѣды, если на то будетъ испрошено разрѣшеніе Саратовскаго епископа Гермогена. На поданную въ этомъ смыслѣ телеграмму изъ Саратова въ полночь подъ 14 мая получился такой отвѣтъ: „весьма желаю, чтобы поѣхалъ бесѣдовать (съ) баптистами (въ) Пески Носковъ. Буду очень благодаренъ. Благословеніе. Помоги, Господи. Епископъ Гермогенъ“.

Съ утреннимъ поѣздомъ, 14 мая, Г. Носковъ прибылъ въ с. Пески, а въ два часа пополудни былъ уже въ Казань.

скомъ храмѣ, переполненномъ народомъ, и занялъ съ о. Граціанскимъ амвонъ. Для собесѣдниковъ же рядомъ съ амвономъ заранее приготовлена была вышка въ родѣ кафедры, которую тутъ же занялъ В. Пр. Степановъ. Първіе съ народомъ пропѣли пасхальный тропарь: Христось воскресе, молитву Св. Духу „Царю небесный“ и молитву Господню: Отче нашъ. Въ пѣніи послѣдней принимали участіе и сектанты. На правахъ епархіального миссіонера о. М. Граціанскій по программѣ и повѣсткѣ объявилъ публичную бесѣду о Св. Преданіи открытой. Въ своей вступительной рѣчи онъ подробно выяснилъ слушателямъ, что Православная Церковь разумѣетъ подъ именемъ Св. Преданія, и затѣмъ обстоятельно изложилъ весь матеріалъ на основаніи свидѣтельства Св. Писанія по принятому вопросу. Г. Носковъ сдѣлалъ нѣкоторыя пополненія къ рѣчи о. Граціанскаго и, выставивъ рядъ прекаемыхъ текстовъ, далъ на нихъ необходимыя разъясненія. Ораторами приблизительно высказано было слѣдующее.

Первоначально руководствомъ Церкви Божіей на землѣ было Откровеніе устное, уста къ устами, Бога къ человеку и было такъ отъ Адама до Моисея. Дошедшее путемъ устнаго преданія Моисей по волѣ Божіей записалъ, явилось, такимъ образомъ, Откровеніе писанное или Св. Писаніе. Появленіемъ своимъ писанное Откровеніе не упразднило устнаго, такъ какъ записано было не все и эти оба руководства, находясь между собой въ строгомъ согласіи, сдѣлались необходимыми поэтому для Церкви Божіей, которая опиралась на нихъ, какъ на свой фундаментъ, въ ветхомъ завѣтѣ и съ ними же явилась въ новый завѣтъ. Устно училъ І. Христось (Іоан. 18, 20), устно учили Св. Апостолы (Мрк. 16, 15). Послѣдніе, наученные отъ Самаго Основателя Церкви, учить, священнодѣйствовать и управлять, передали вѣрующимъ все это двумя способами: устно, преданіемъ и письменно, посланіемъ. Основанныя или

насажденныя ими частныя церкви одинаково свято хранили и послали Апостоловъ и устныхъ ихъ наученій, записавъ послѣднія до временамъ въ своихъ церквахъ. Частіе, сказано было, что Св. преданіе сохраняется въ церкви (2 Тимо. 2, 2; Тит. 1, 13—14), что оно нужно (2 Сол. 2, 15, 1 Кор. 11, 2), что оно пополняло собой Св. Писаніе (Іоан. 21, 25; дѣян. 20, 35; Іуд. 1, 9—14; 2 Тим. 3, 8), что оно сохранило благопривѣстность и чинъ богослуженія отъ апостоловъ (1 Тим. 2, 1—2; 1 Кор. 14, 40; Филип. 4, 9); и что оно необходимо для опредѣленія канона, времени написанія книгъ, и языка, что все раздѣляютъ и сами сектанты, что предостереженіе необходимо какъ въ преданіи (Мѡ. 15, 3, 6; 1 Тимо. 4, 7; 2 Петр. 1, 16), такъ и въ писаніяхъ (2 Петр. 3, 16—17; 2 Фессал. 2, 2; Гал. 1, 8—9). На основаніи ясныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія ученіе о Св. Преданіи Церковь возвела въ догматъ.

Въ отвѣтныхъ рѣчахъ пресвитеръ баптистовъ В. Пр. Степановъ высказалъ все то, что обыкновенно всегда по этому вопросу говорятъ сектанты. Именно: Св. Писаніе для рода человѣческаго есть единственный истинный источникъ для богопознанія и наставленія въ правилахъ вѣры и жизни и, слѣдуя ему, мы должны имѣть вѣру твердую, основательную, разумную, а не слѣбую (Іоан. 5, 31; 8, 13; Рим. 2, 3; 1, 28; Мѡ. 25, 15; 15, 10; Мрк. 13, 14; 7, 14; 1 Кор. 14, 20). Вѣрно свидѣтельство ап. св. Іоанна (21, 25), что не всѣ слова и дѣла Христа и апостоловъ записаны, но онъ же свидѣтельствуеть и такъ: „Оно написано, дабы вы увѣровали, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и вѣруя имѣли жизнь во имя Его“, что для нашего спасенія вполне достаточно писаннаго Слова Божія, иначе это будетъ мудрствованіемъ сверхъ того, что написано (1 Кор. 4, 6). Если бы даже мы, или Ангель съ неба стали благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ,

да будетъ анаѳема (Гал. 1, 8). Затѣмъ, подвергнувъ критикѣ приведенные миссіонерами доводы въ пользу Св. Преданія, Степановъ долго и пространно разъяснялъ, что Ап. Павелъ называетъ преданіемъ все то, что передалъ церквамъ словомъ, дѣломъ и примѣромъ, о чемъ онъ потомъ большею частью кратко свидѣтельствовалъ письменно, посланіемъ, съ опущеніемъ въ немъ того, что не составляло существеннаго и важнаго (1 Фессал. 2, 1, 11, 12; 4, 6; 2 Фессал. 2, 5). Это видно во многихъ посланіяхъ, особенно же въ Ап. Тимоѳею (1 Тим. 3, 15) и другимъ (1 Кор. 2, 1—2; 15, 1—8; 11 гл.). И такой источникъ, именуемый Св. Преданіемъ, какъ не согласный съ Св. Писаніемъ (напр., при крещеніи не по образцу каженика и проч., при причащеніи не по образцу Самаго Христа), за богооткровенный сектанты не принимаютъ, сомнѣваются въ его происхожденіи отъ апостоловъ, а изъ словъ евангелиста Іоанна ясно (20 гл. 31 ст.), что нужно держаться Св. Писанія, даже одного Евангелія достаточно для спасенія. Принять Св. Преданіе значило бы намѣренно затмить чистый, ясный образъ святой истины и осложнить путь приближенія къ ней, при чемъ ораторъ указалъ при этомъ на борьбу Христа съ фарисеями и книжниками. Рѣчи Степанова блистали краснорѣчіемъ и знакомствомъ съ западной литературой по этому предмету.

Трактатъ о Св. Преданіи былъ видимо исчерпанъ съ обѣихъ сторонъ и слушатели съ нетерпѣніемъ ожидали ясныхъ итоговъ. На эту работу выступилъ Г. Носковъ. Кратко охарактеризовавъ и освѣтивъ основные доводы сторонъ по вопросу, Носковъ далъ доказательства, что сектанты, несмотря на всѣ свои отрицательные доводы, не свободны отъ Св. Преданія, одинаково съ нами понимая опредѣленія канона богодухновенныхъ книгъ, времени, когда написаны книги, и языка, на которомъ онѣ первоначально были написаны, раздѣленія на каноническія и не каноническія.

ческія, посланія же Ап. Варнавы (изъ котораго было прочтено нѣсколько мѣстъ), мужей апостольскихъ — Поликарпа, Климента и др. не признають, а завели свое человѣческое преданіе—баптистскую литературу (жур. баптистъ, христіанинъ и массу брошюръ), гдѣ съ характеромъ догмъ излагаются вѣро—и нравоучительныя истины, какъ, напр., трактатъ о водномъ крещеніи собесѣдника В. Пр. Степанова; отрицая храмы, строятъ для молитвы нарочитыя молитвенныя дорого стоящіе храмы, отрицая Св. иконы, украшаютъ свои храмы портретами своихъ главарей (что можно видѣть въ г. Балашовѣ), вмѣсто кажденія и свѣчей украшаютъ эти портреты богатыми рамами и живою зеленью, вмѣсто молитвеннаго обращенія къ иконамъ они въ лицѣ служащаго пресвитера обращаются во время богослуженія къ одному изъ портретовъ и произносятъ рѣчи, вмѣсто псалмовъ царя пр. Давида и твореній Іоанна Дамаскина и др. сектанты баптисты ввели въ богослужебный обиходъ фисъ-гармонію и гусли—сборникъ свѣтскихъ стихотвореній Пушкина, Некрасова, Державина, Ждановской, Никитина и др., не безупречныхъ по своей религіозной жизни. Есть также и обряды. Какъ это все назвать, какъ не преданіемъ человѣческимъ? Не самовольное ли и не самочинное ли служеніе баптистовъ Богу съ чуждымъ огнемъ? Рѣчь Носкова произвела глубокое впечатлѣніе на всѣхъ слушателей, и для Степанова была большою неожиданностію. Онъ тутъ же отвѣтилъ кратко, что они, сектанты баптисты, охотно читають вообще духовно-нравственную періодическую и не періодическую литературу (напр., профес. Соловьева, Григорія Спирид. Петрова и др.), читають такую же литературу и свою баптистскую, но за преданія ея не признають, и закончилъ рѣчь публичнымъ признаніемъ тѣхъ преданій, которыя не противорѣчатъ Св. Писанію и находятся въ полномъ согласіи съ нимъ. И Степановъ тутъ же со всѣй своей братіей

отказался слушать заключительную рѣчь и, нарушивъ договоръ и тишину, поспѣшно удалился изъ храма.

Въ послѣдней рѣчи о. Ераціанскій живо резюмировалъ весь матеріалъ бесѣды, подвелъ желательный итогъ и подтвердилъ его публичнымъ признаніемъ В. Пр. Степанова. Было 8 часовъ вечера, когда бесѣда была объявлена оконченной и пѣвчіе съ народомъ пропѣли: Ангелъ вопіаше — благодатней.

Слушатели, расходясь, горячо и искренно благодарили Г. Носкова за его понятныя, дѣловыя и сильныя рѣчи и убѣдительно просили его помощи во всѣхъ объявленныхъ бесѣдахъ.

Священникъ *Михаилъ Осетровъ*.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Воронежское Общество Пчеловодства и Шелководства,

устраиая 1—3 октября 1910 года въ г. Воронежъ,

ВЪ ГОРОДСКОМЪ САДУ,

ВЫСТАВКУ ПО ПЧЕЛОВОДСТВУ,

совмѣстно съ выставкою по птицеводству, и губернской сѣздъ пчеловодовъ, просить г.г. пчеловодовъ и лицъ, имѣющихъ по своему служебному или общественному положенію или по своей профессіи отношеніе къ пчеловодству, принять участіе въ устраиваемыхъ выставкѣ и сѣздѣ.

О времени и мѣстѣ засѣданій сѣзда будетъ объявлено особо.

ВОЗЗВАНІЕ

отъ Комитета для помощи пострадавшему отъ пожара населенію г. Могилева.

Возлюбленные чада, братья и сестры о Господѣ! Старинный градъ нашъ Могилевъ постигло великое бѣдствіе: огненной стихіей уничтожено около 1000 домовъ и около 10 тысячъ людей остались безъ крова, безъ пищи, безъ одежды,—лишились всего, что зарабатывалось многолѣтними трудами, потомъ и лишеніями. Нельзя ни выразить, ни описать ихъ горе, слезы, нужду и страданія. Сколько нужно терпѣнія и покорности Промыслу Божію, дабы перенести такое огненное искушеніе (2 Петр. 4, 12) и не впасть въ отчаяніе и ропотъ на Провидѣвіе! Если для пострадавшихъ это огненное искушеніе является испытаніемъ ихъ вѣры въ промыслъ Божій, направляющій все—и самыя бѣдствія наши—къ благимъ для насъ цѣлямъ, испытаніемъ ихъ надежды на милосердіе Отца небеснаго, не попускающаго намъ искушаться сверхъ силъ, но подающаго при искушеніи и облегченіе (Кор. 10, 13)—то для насъ, оставшихся въ благополучіи, это необычайное бѣдствіе является испытаніемъ нашей любви къ ближнимъ нашимъ, заповѣданной намъ Христомъ Спасителемъ. Въ силу этой любви, которая одна только имѣетъ право на входъ въ вѣчное царство Отца небеснаго, мы обязаны творить добро всѣмъ человѣкамъ, даже и врагамъ нашимъ (Мѡ. 5, 43—6), наипаче же своимъ по вѣрѣ (Гал. 6, 11).

Множество ближнихъ нашихъ впало въ великое несчастіе. Среди нихъ множество братій нашихъ по вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа. Придемъ, сколько можемъ, всѣмъ имъ на помощь безъ различія вѣры и племени, но особенно простремъ объятія любви своей братіямъ нашимъ,

ожидающимъ отъ насъ исполненія завѣта Христова, ожидающимъ обнаруженія нашей братской любви. Будемъ помнить, что если мы затворимъ отъ братьевъ своихъ, находящихся теперь въ великой нуждѣ, сердце свое, то какъ будетъ пребывать въ насъ любовь Божія (1 Иоан. 3, 17—18)! Напротивъ, если мы не ослабѣемъ въ дѣланіи имъ добра, то въ свое время пожнемъ (Гал. 6, 9) отъ великихъ щедротъ Отца небеснаго какъ въ этой жизни, такъ наиболѣе въ жизни будущей, гдѣ дѣла милосердія избавятъ насъ отъ вѣчной смерти, покроютъ наши грѣхи (Тов. 12, 9) и дадутъ намъ услышать сладчайшій гласъ Спасителя нашего: Приидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра (Мѣ. 25, 34).

Въ виду естественнаго, одобреннаго и Ап. Павломъ, желанія каждаго помочь не только вообще несчастнымъ, но изъ нихъ наипаче своимъ по вѣрѣ, образовавшейся подъ предсѣдательствомъ Начальника губерніи Комитетъ для сбора пожертвованій всѣмъ пострадавшимъ, безъ различія вѣры, выдѣлилъ изъ себя два особыхъ Комитета: одинъ христіанскій—для сбора пожертвованій среди христіанъ на помощь братьямъ нашимъ по вѣрѣ—христіанамъ, другой еврейскій—для сбора пожертвованій среди евреевъ на помощь ихъ единовѣрцамъ.

Христіанскій Комитетъ надѣется, что христіане, одушевленные завѣтами Христа Спасителя, окажутъ должное соревнованіе съ нехристіанами и не посрамятъ своей вѣры, покажутъ, что въ нихъ жива любовь Христова къ своимъ по вѣрѣ братьямъ о Единомъ Спасителѣ нашемъ Господѣ Иисусѣ Христѣ.

Предсѣдатель Христіанскаго Комитета, Стефанъ Епископъ Могилевскій и Мстиславскій.

ОБРАЗЦОВАЯ
художественно-живописная и иконостасная мастерская

ТОРГОВОГО ДОМА

И. Н. Гагаринъ и С. П. Сталогоровъ.

Москва, Т-я Митцанская, домъ № 68. Телефоны 258—793

Всѣ художественно-живописныя церковныя работы, какъ-то: живопись иконъ и стѣнныхъ картинъ и орнаментъ исполняются лучшими мастерами художниками подъ личнымъ нашимъ наблюдениемъ.

Кромѣ живописи исполняются всевозможныя иконостасныя работы.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ. Изготовление иконостасовъ. Имитация подъ фаянсъ не требующая ремонта. Цѣны на всѣ работы въ всякой конкуренціи, въ чемъ покорѣе просимъ убѣдиться. При запросахъ на внутреннее распisanіе храмовъ, для детального осмотра работъ на мѣсто, прибываемъ лично или высылаемъ своего довѣреннаго со всевозможными проектами и образцами.

Примѣчаніе. Гарантія и разсрочка платежа по соглашенію.

(4—6)

ЗУБНОЙ **С. И. КЛЯЧКО.**
ВРАЧЪ

Леченіе, пломбированіе зубовъ. Искусственные зубы.

Для г.г. духовныхъ и ихъ семействъ вполне доступныя условія.

Воронежъ, Большая Дворянская, д. Шуклина, № 36.

(2—52)

Зубной врачъ

А. И. ДОЛГОПОЛОВА

Лечение, пломбирование фарфоромъ, золотомъ, серебромъ и пр.

Удаление зубовъ безъ боли.

Искусственные зубы на золото, каучукъ, штифтахъ и проч.

Пріемъ больныхъ ежедневно отъ 9—2 отъ 3—8 вечера.

Воронежъ, Средне Московская ул. домъ Смоленскаго Собора № 34

Духовнымъ скидка.

(1—52)

И. М. ВОЛЬФЪ

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

лечение, пломбирование зубовъ золотомъ, фарфоромъ и т. п.

Искусственные зубы по новѣйшему способу, удаление зубовъ
безъ боли.

В. — Дворянская, д. Русакова противъ Дворянской части.

Пріемъ отъ 9 до 7 часовъ вечера.

ДУХОВНЫМЪ скидка.

(25—52)

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Бесѣда въ день памяти Угодника Божія Святителя Тихона
Задонскаго. — Священника *Стефана Пчелинцева*.

Культурное и нравственное значеніе дѣятельности выдаю-
щихся представителей славянофильской школы въ исто-
ріи русскаго общественнаго развитія. — *Ив. Козлови*.

Миссіонерскіе курсы и публичныя бесѣды съ сектантами въ
селѣ Пескахъ, Новохоперскаго уѣзда. — Священника
Михаила Осетрова.

Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ*.

